



Поэма, 1966-1968 г. Перевод с балкарского Н. Гребнева

1

Как прежде позволь мне, Кязим,
Приехать к тебе и остаться,
К рукам заскорузлым твоим
Позволь мне щекою прижаться.
В ауле под сенью дерев
Сейчас, предвечерней порою,
Предстать пред тобой, замерев,
Позволь, как пред снежной горою.
Как будто нет смерти, Кязим,
А есть – так придет к нам не скоро.
Давай посидим, поглядим,
Как туча заходит за гору.
Не там, где не видно ни зги,
В соседстве со смертью слепою,
А здесь мы, в аул Безенги,
Поднимемся узкой тропою.
Иль, может быть, спустимся вниз,
Как в ту предвоенную осень.
Ты видишь – опять барбарис,
Желтея, печаль нам приносит.
Мне чудится, старец хромой,
Мы молча стоим у колодца,
Горюем мы вместе с тобой
О тех, кто домой не вернется...
Но нет, у родимых руин
С тобой не стоять нам сутулясь,
Поскольку и есть ты один
Из всех, что домой не вернулись.
Родное селенье в глуши
Теперь без тебя нелюдимо,
Нет в доме твоём ни души,
Нет в печке ни жара, ни дыма.
И только гора, как всегда,

Стоит под папашой из снега
И в речке аульской вода
Белеет от быстрого бега.
Гудит, не смолкая, река,
И в блеске багровом заката
По небу плывут облака,
Как ты им назначил когда-то.
И камни в родимом краю
Молчат, сохраняя, как тайну,
Заветную песню твою,
Что ты прошептал им случайно.
Таят снеговые хребты
С аулом твоим по соседству
Все горе, что пережил ты,
Что ты им оставил в наследство.
И этим хребтам снеговым,
И рекам родимого края,
Как близким соседям твоим,
Я горе свое поверяю.

2

Вот дом твой...
Спасибо судьбе,
Что стены щадит нежилые,
Где раньше являлись тебе
Счастливые сны и дурные.
Вот здесь ты твердил по ночам
В печали рожденное слово,
Ты здесь говорил сыновьям:
«Не жаждайте хлеба чужого!»
Отсюда и радость и гнев
В стихах вылетали, как птицы,
Чтоб после, весь край облетев,
В родное гнездо возвратиться.
Под балками этих стропил,
Под шорох метели иль бури
В печальный свой день ты сложил
Сказанье о раненом туре.
Отсюда полвека назад
В годину народных восстаний,
Твой первенец, сын Мухаммад,
Ушел и погиб в Дагестане.
Гонец, что в ночи прискакал
С известьем о смерти героя,
Не в эту ли дверь постучал
Нагайкою, сложенной вдвое?

Хоть ты это горе давно
Слезами излил и стихами,
Но горе есть горе, оно
Свой цвет не меняет с годами.
Ты знал ли, что станет твой стих,
Рожденный под нищенским кровом,
Для внуков ученых твоих
Великим, пророческим словом,
Что минет тьма тьмущая дней
И ныне студентки-горянки
Заплачут над песней твоей
О горе безвестной крестьянки?
...Остыл в этом доме очаг,
А раньше здесь всякое было.
Бывали здесь горе и враг,
Бесчестье сюда не входило.
Ты здесь, престарелый поэт,
О том сокрушался, бывало,
Что много в Балкарии бед,
А света и радости мало.
Ты песни слагал, хоть привык,
Что в этой глуши, в этой дали
В твой век не печатали книг
И грамоты люди не знали.
Но строки твои, чародей,
Чтоб тысячу крат повториться
Печатались в сердце людей,
Как наши на книжных страницах.

3

Вот кузня твоя, аксакал,
Осели гранитные глыбы.
А раньше звенел здесь металл,
Дышали мехи, словно рыбы.
Здесь хлеб добывал ты с трудом,
Металл распаял неизменно.
И, ныне покрытые мхом,
Огонь озарял эти стены.
До ночи огонь горновой
Окрашивал камни когда-то,

Как серые скалы порой
Кизилковый отсвет заката.
Сошник для крестьянской сохи,
Подкову ли, крюк ли настенный
Ты так же ковал, как стихи, –
Сурово и самозабвенно.
У кузниц особый удел.
Сюда, как на сход, собирались,
Здесь молот тяжелый гремел,
Здесь люди грустили, смеялись.
Бывало у нас в старину
Тащил незадачливый горец
Страх Богу, налоги в казну,
А в кузницу – радость и горе.
Не знаю какого числа,
Но знаю, дорогою дальней
К Кязиму горянка пришла
С лицом, озаренным печалью.
Сказала она: «Может быть,
Тебя я напрасно тревожу,
Но с кем-то должна я делить
Свою непосильную ношу!»
Он подал ей знак: «Говори,
Что мучит, что жжет твою душу».
И грустную боль до зари
Она говорила, – он слушал.
И то, чем казнилась она,
Все в жалобе вышло наружу.
Девчонкой была продана
Она нелюбимому мужу.
Для нас это старый рассказ,
Но все же не хмурьтесь сурово,
Хоть в сотый оплакано раз,
Несчастье по-своему ново!
Кязим ей совета не дал,
А сделал, что было по силам:
Кующий – он серп отковал,
Поющий – ей песню сложил он.
Она в нелюбимый свой дом
Пошла, как под свод преисподней,
Не знаю, что стало с серпом,
А песня жива и сегодня.
Поют эту песню у нас
И ныне, как некогда пели,
Под плач этой песни подчас
Качали меня в колыбели.

И боль, заключенная в ней,
И горечь извечной недоли
Для матери бедной моей
Была горше собственной боли.

4

Вот двор обезлюдивший твой
Со старой скамейкой кривою.
Здесь камень порос лебедой –
Живой, но мертвящей травой.
Ты долгие годы здесь жил,
А все-таки века не дожил.
Вот здесь ты чарыки кроил
И шил из негнущейся кожи.
Отсюда глядел ты не раз,
Как дети играли счастливо,
Которые сами сейчас
Седые давно если живы.
Теперь здесь руины и прах,
А некогда трубы дымились
И зрячие окна в домах
Печалью и счастьем светились.
Недобрая память войны,
Тяжелая мета страданья.
Какие дома сожжены,
Какие мечты и желанья!
Былое, как даль на заре,
Подвернуто дымкой туманной...
Я как-то на этом дворе
С горянкой плясал тонкостанной.
Отряхивал, как в полусне,
Со лба еще темные пряди,
А ты нам играл на зурне
И белую бороду гладил.
В тот день, что, счастливый, я знал,
Я думал: нет горя на свете,
Плясал, на колени вставал –
Балкарец в дырявом бешмете.
В ту ночь я – зеленый юнец –
Талант плясуна обнаружил.
Смеялся Кязим: «Молодец,
Как пляшешь, писал бы не хуже!»
Я, счастьем и юностью пьян,
О горе не думал ни мало...
«Топ-тап», – мне басил барабан,
«Топ-тап», – мне зурна подпевала.

«Топ-тап», – из-за гор, из-за скал,
Из прошлых столетий, из глуби...
«Топ-тап», – барабан мне стучал,
«Топ-тап», – мне подстукивал бубен.
«Топ-тап», – сколько минуло лет.
Но чудится мне, словно в сказке,
И дворик, и ночь, и рассвет,
И жар незатейливой пляски.
Мелькают, как пляска тогда,
В моем затуманенном взоре
События, люди, года,
Смешавшие радость и горе.
Все в сумерках было бело:
Сады и вершины Кавказа.
И на сердце было светло,
Как не было после ни разу.
Плясал, я смешной человек,
О горе не знал недалеко,
Не знал, что не встречусь во век
С тобой, кузнецом и пророком.
«Топ-тап», – был я молод тогда,
«Топ-тап», – понимал я не много.
Меж тем как война и беда
Стояли уже у порога.

5

Кязим, твое сердце давно
Чужая земля приютила,
Всю землю вмещало оно,
Родимую землю любило.
Гляжу я, на склонах – поля,
Узоры хребтов, как бойницы.
Вот наша с тобою земля,
Куда ты не смог возвратиться.
Причудлив хребтов окоем,
Теперь, на большом расстоянье,
Все время мне видится в нем
Лица твоего очертанье.
Как в тот незапамятный год,
Твой голос мне слышится ясно:
«Несчастье придет и уйдет,

А жизнь даже в горе прекрасна.
Как горы, как скот и хлеба,
Лишь счастье я славил, бывало,
Хотя не скажу, что судьба
Мне много его даровала.
Хотя ко всему я привык
И мир отличался от рая,
Но видел я радости лик,
И, горькие песни слагая,
Как много я выплакал слов,
Чтоб в мире все были счастливы,
Чтоб больше алело цветов,
Чтоб меньше чернело крапивы.
Текут вереницей года,
Как в мае по склонам отары,
Не старится жизнь никогда,
Хоть станет все новое старым!..»
...Ушел за пустые дворы,
Как эхо, потерянный где-то
Твой голос иль голос горы,
А может быть, голос рассвета?
Нет, не было это игрой,
Смещением слуха и зренья.
Ты стал для меня и горой,
И чистым рассветом весенним.

6

Опять перед домом твоим
Я замер – твой сын нареченный,
Я жду, что придешь ты Кязим,
Из кузни своей прокопченной.
Пред тем как ступить на порог,
Мне руку на встречу протянешь
И скажешь: «Приехал, сынок!» –
И в дом за собою поманишь.
В потерянном этом краю,
Где кузня кривится на склоне,
Всю жизнь прожитую твою
Я вижу как на ладони!
Я знаю, что пел ты, как жил,
Жил песней, пел жизни в угоду
И жизнь неизменно любил,
Хоть не обелял ее сроду.
Долины покрыты травой,
Шумят в отдаленье потоки,
И, будто еще ты живой,

Мне слышится голос далекий:
«Как ни был бы труден твой путь,
Всегда оставайся собою.
Поэт, ты посредником будь
Меж правдой людской и враждою.
Душою вовек не криви,
И слово становится делом.
Лишь черное черным зови,
Считай только белое белым!
Хоть гнули – остался я прям,
От века мне было постыло
Все то, что служило царям,
Что силе неправой служило.
Все шахи на свете равны,
Живут они, нас не жалея.
Быть может, певцы им нужны,
Но все же льстецы им милее.
Поэт, твои строки должна
Слагать не корысть и не злоба.
Твой взгляд – это взгляд чабана,
И речь – это речь хлебороба».

7

К разлукам привык ты, Кязим,
Ты знал на веку испытанья.
С Балкарией – краем родным –
Случались тебе расставанья.
Но даже в далеком краю,
В степи ль аравийской, в Дамаске,
Ты думал про землю свою,
Грустил по ущельям кавказским.
У дальних низин или скал,
Встречая юнцов или старцев,
В глазах бедняков ты читал
Боль, схожую с болью балкарцев.
Ты видел на свете одно:
В почете богатство и сила,
А бедному всюду темно,
Как солнце над ним не светило!
Павлины и пальмы – все прах,
Что толку от синего моря,

Когда на его берегах
Гнездится неправда и горе?
Где силу такую сыскать,
Чтоб жизнь на земле повернула,
Чтоб сильный на слабого кладь
Не мог бы валить, как на мула!
Аллаха молил ты в пути:
«Пусть будет дорога короче,
Хоть в камень меня преврати,
Но в край возврати меня отчий!»
Изгнанник, ты камнем не стал,
Вернувшись в родные долины,
Чью глину от века считал
Дороже, чем золото чужбины.
В чужой стороне не слышны
Кавказские громы весною,
И ливни родной стороны
Теперь не шуршат над тобою.
И если в свой час Азраил
Придет за моими костями,
Как много безвестных могил
И пажитей ляжет меж нами?
Ужель не заслуживал ты,
Иль нету на родине милой
Ни камня для скорбной плиты,
Ни места для скромной могилы?
Не встали надгробьем твоим,
Великим и нерукотворным,
Луна над хребтом снеговым,
Скала над селением горным...

8

Учитель, как в бытность твою,
В горах повторяется эхо.
И осень в родимом краю
Гуляет с мешками орехов.
И я на закат и зарю,
На горы и свет за горами
Сегодня влюблено смотрю
Не только своими глазами.
Теперь за себя и тебя
Гляжу я на отчее небо,
Земле за тебя и себя
Желаю покоя и хлеба.
С далекой летит стороны
Твой голос к родимому краю:

– Я умер во время войны.
Что было потом, я не знаю.
Война отшумела ль?
– Давно!
– Тревожно ли в мире?
– Бывает!
– Есть счастье на свете?
– Полно!
– А горе?
– И горя хватает!
– Потоки текут ли?
– Текут!
– А хлебы пекутся?
– Пекутся!
– Деревья цветут ли?
– Цветут!
– А песни поются?
– Поются!
– Давно я не слышал шагов
Ничьих над своею могилой,
Где дети моих земляков,
Где внуки?
– На родине милой!

9

Все было в родимых горах,
Века наших гор не жалели.
Огонь остывал в очагах,
А сакли и пашни горели.
Звенел здесь проклятый металл,
Свои утверждаю законы.
А горец, то пел, то пахал
Сохой каменистые склоны.
Здесь слышали песню и зов,
Молитву и посвист металла,
Но лучше Кязимовских слов
Земля ничего не слыхала.
Учитель мой, слово твое –
Земли нашей древней частица,
Клонящийся колос ее,
Подсолнух, что к солнцу стремиться.
Я слово твое ощущал,
Как неба бескрайние дали.
Пожар на земле полыхал,
А дали небес не сгорали.
Я вешее слово берег,

Как острый всегда и нержавый,
Блестящий на солнце клинок,
Для битвы откованный правой.
Я к слову свой взгляд устремлял,
Как к звездам родимого неба,
Я слово к груди прижимал,
Как пайку военного хлеба.
Я слово твое, о Кязим,
Молитвенно трогал руками
И вновь обретал вместе с ним
Надежду, как раненый камень.
Я ныне касаюсь рукой
Его, как цветка полевого,
И мне возвращает покой
Твое первозданное слово.
Я так прикасаюсь к словам
Твоим дорогим, хоть обычным,
Как ты прикасался лишь сам
К земле и колосьям пшеничным!

